

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ПРАГМАПОЭТИКИ

У статті обґрунтовано доцільність лінгвопрагматичного аналізу поетичного тексту за допомогою когнітивного підходу. Виділено прагматичні типи поетичних текстів на основі авторської інтенції. Встановлено її специфічні риси: обмеженість репрезентаційним рівнем, фікціональність, спрямованість на увесь текст і двоїстий характер. Ключові слова: інтенція, поетика, поетичний текст, прагматика. In this article by dint of the cognitive approach it is shown that pragmatic analysis of a poetic text is efficient. The pragmatic types of poetic texts are proposed based on the author intention. Its specific features are drawn, such as relatedness to the representational level, fictionality, directionality to the whole text and dual character. Key words: intention, poetics, poetic text, pragmatics.

Одной из отличительных особенностей современной науки являются интеграционные процессы – взаимовлияние и взаимопроникновение как частных научных дисциплин, так и отраслей науки в целом. В эти процессы вовлечена и лингвистика. С одной стороны, лингвистика привлекает методологию и терминологию других наук, что привело к бурному развитию социо-, прагма-, этно-, психо-, нейролингвистики, когнитивной лингвистики, лингвистической поэтики и т. п. С другой стороны, сами новые лингвистические дисциплины обогащаются методологическим инструментарием друг друга. Ярким примером этому может служить прагмалингвистика / лингвопрагматика, которая характеризуется привлечением исторического, социального, контрастивного, этнокультурного, когнитивного и дискурсивного аспектов, что ведет к расширению ее предмета и углублению методологии. Появились исследования, пытающиеся интегрировать лингвистическую прагматику и поэтику [6; 19; 20; 23], создавая предпосылки для становления новой пограничной дисциплины – прагмапоэтики. В этой связи возникает вопрос: А можно ли использовать деятельностный подход, характерный для прагматики, в анализе художественного мира, создаваемого поэтическим словом? – Совместимы ли прагматика, в основе которой лежит слово как действие, и поэтика, основанная на анализе словесного искусства? – Прагмапоэтика – реальность или фикция? Цель данной статьи – обосновать правомерность прагмапоэтики и целесообразность лингвопрагматического анализа художественного – в частности, поэтического – текста в русле когнитивного подхода. Разноплановость данных дисциплин обуславливается, прежде всего, их разными задачами. Лингвопрагматика предполагает изучение языка как орудия осуществления не- которой целенаправленной деятельности (How to do things with words? [15]). Содержанием лингвопоэтики являются "differentia specifica словесного искусства по отношению к прочим искусствам и по отношению к прочим типам речевого поведения", отсюда – ее основной вопрос: "Благодаря чему речевое сообщение становится произведением искусства?" [14, с. 193] (выделено в оригинале – Л.Б.) Иными словами, в центре внимания прагматики – использование языка в речи для производства различных действий, а в центре внимания поэтики – использование языка в поэтической речи для создания произведения искусства. Очевидно, что обе дисциплины объединены своего рода общим знаменателем, которым является язык. Более того, речь идет не о системе языка, а о языке в своем отношении к субъекту – субъекту коммуникации или

субъекту творчества, об использовании языка как инструмента деятельности – коммуникативной или творческой. Еще одним связующим звеном для прагматики и поэтики выступает когнитивизация их методологии. И лингвопрагматика, и лингвопоэтика на современном этапе привлекают когнитивный подход к анализу речевой или, соответственно, творческой деятельности, что влечет за собой применение к ним атрибута "когнитивная". Когнитивная прагматика представляет собой глубинный уровень анализа языковых действий, учитывающий ментальные процессы и структуры говорящего, лежащие в основе этих действий [12, с. 155- 156]. Когнитивная поэтика нацелена на реконструкцию мировосприятия художника слова на основе языковых факторов, которые формируют эстетическое и эмоциональное воздействие поэтического текста [24, с. 4]. Когнитивизация прагматики и поэтики зиждется на том, что и речевое высказывание, и языковые свойства поэтического текста отражают ментальный мир автора. Таким образом, обе дисциплины находятся в рамках триады "мышление – язык – речь". Прагматика и поэтика в русле когнитивного подхода оперируют разными понятиями когнитивной науки. Поэтика привлекает к анализу, прежде всего, понятие концепта, ориентируясь на освещение концептуальных и предконцептуальных составляющих словесного поэтического образа, на раскрытие механизмов концептуализации и категоризации знаний, обеспечивающих его функционирование в поэтическом тексте [3, с. 183]. В прагматике же основным когнитивным понятием является интенция как "психическое состояние, которое обретает тело и контуры только с производством речевого акта" [22, с. 42]. Думается, что именно понятие интенции способно "прагматизировать" лингвопоэтику. Являясь основой речевой деятельности, интенция формирует высказывания как на формальном, так и на содержательном уровне. Можно предположить, что она лежит в основе и деятельности творческой, внося вклад в создание поэтического текста и на формальном, и на содержательном уровне. В когнитивной психологии под интенцией или интенциональным состоянием психики субъекта понимается направленность его сознания на положения дел внешнего мира [10, с. 96; 11, с. 10; 16; 22]. При этом интенции являются инструментом соотнесения субъекта с внешним миром и представляют собой фундаментальное и целостное свойство сознания, которое нельзя разложить на более простые элементы [10, с. 123]. Например, боль или состояние беспокойства неинтенциональны, поскольку высказывание о них будет всего лишь их описанием. Напротив, выражение надежды, убеждения или желания предполагает необходимость уточнения направленности этих состояний: На что некто надеется?, В чем некто убежден?, Чего некто желает? Действительно, нельзя надеяться, если не знаешь, на что надеешься, нельзя быть уверенным, если в сознании так или иначе не отражено то, в чем ты уверен, нельзя желать, не зная, чего желаешь. Иначе говоря, интенциональное состояние всегда предполагает некий объект интенции [10, с. 96]. Существенным для понимания роли интенции в формировании поэтического текста представляется разграничение интенции первого и второго порядка (первичной и вторичной интенциональности, интенциональности двух уровней [11, с. 12]). Интенция может проявляться как: – интенция первого порядка или репрезентационная интенция, пропозициональная установка [10] – направленность сознания на определенный

объект – концепт или пропозицию; она первична по происхождению и непосредственно связана с особенностями функционирования нервной системы человека; – интенция второго порядка или коммуникативная интенция – намерение говорящего донести до адресата свою репрезентационную интенцию и вызвать у него определенную реакцию; она социальна по происхождению и включена в организацию общения между людьми [11, с. 12-17].

Репрезентационная интенция является самодостаточной, однако коммуникативная интенция не существует без репрезентационной, что находит отражение в когнитивном подходе к прагматике: анализ речевых действий, базирующийся на коммуникативной интенции, должен начинаться с анализа репрезентационной интенции, так что понятие интенции "употребляется для характеристики и наших действий, и наших мыслей" [16, с. 388]. Имея репрезентационную интенцию, т.е. определенное отношение к пропозиции, субъект может и не испытывать потребности в коммуникации. Только с появлением коммуникативной интенции, предполагающей наличие у него иллокутивной и перлокутивной целей, субъект вступает в речевую коммуникацию – совершает речевой акт, становясь говорящим субъектом. К примеру, сомневаясь в некотором положении дел (репрезентационная интенция), субъект может обратиться за информацией к соответствующему справочнику – это его действие не будет коммуникативным. Но если у него появляется иллокутивная цель спросить другого субъекта и перлокутивная цель побудить его к ответу (коммуникативная интенция), это значит, что субъект совершает коммуникативное действие – речевой акт вопроса. Наличие другого субъекта – адресата – для коммуникативных интенций обязательно, они "обращены к внешнему миру – прежде всего миру людей" [11, с. 16]. Поэтому наличие у субъекта интенции второго типа отличает коммуникативное действие от некомуникативного. К некомуникативным действиям можно отнести и творчество, в том числе поэтическое. Возникающий в результате творчества текст характеризуется как художественный, который считается разновидностью высказывания: "Художественный текст – это возникающее из специфического (эгоцентрического) внутреннего состояния художника душевное чувственно-понятийное постижение мира в форме речевого высказывания" [1, с. 120]. В этом определении совмещены и цель творчества – постижение мира, и способ достижения этой цели – язык, и инструмент достижения – мысли и чувства, и условие достижения – вдохновение творца. Тем не менее, различие между обычным (коммуникативным) и художественным высказыванием / текстом огромно. В качестве специфических черт поэтического текста по сравнению с непоэтическим приводятся: – ведущая роль категорий эстетичности и эмотивности в поэтическом тексте, предполагающая "особое видение предмета, эффект его эстетической и эмотивной значимости" [24, с. 4, 56-61]; – фикциональность как принцип несоответствия слова и реальной действительности, возводимый в эстетическую норму и приравняемый в отечественной поэтике к художественности [5, с. 3; 19, с. 29]; – первенство языковой формы над содержанием: "в поэзии слово – цель; в прозе (художественной) слова – средство. Материал поэзии – слова, создающие образы и выражающие мысли; материал прозы (художественной) – образы и мысли, выраженные словами" [4, с. 36], а материал обычной,

нехудожественной речи – информация в ее широком понимании; – значимость любых элементов как языкового, так и речевого уровня текста: "любые элементы речевого уровня могут возводиться в ранг значимых"; "любые элементы, являющиеся в языке формальными, могут приобретать в поэзии семантический характер, получая дополнительные значения" [7, с. 47]; – принцип возвращения как структурный принцип поэтического произведения: если непоэтическая конструкция строится как протяженная во времени, то художественная – как протяженная в пространстве: "она требует постоянного возврата к, казалось бы, уже выполнившему информативную роль тексту, сопоставления его с дальнейшим текстом. В процессе такого сопоставления и старый текст раскрывается по-новому" [7, с. 49];

ЛІНГВІСТИКА. Випуск ХІХ

220

– композиционная упорядоченность поэтического текста, в отличие от непоэтического, при которой единицы различных языковых уровней – фонетического, грамматического, лексического, синтаксического – оказываются вовлеченными в тесные взаимосвязи, лежащие в основе композиции произведения и создающие художественный прием в частности и художественность текста в целом [7, с. 117]; – высокая концентрация глубинных смыслов на относительно кратком отрезке текста: "внутренний закон поэтического искусства: максимальная сжатость словесного пространства при беспредельной емкости жизненного содержания" [13, с. 125]; – иконичность [7, с. 116]: мысли и чувства в поэзии не просто выражаются, они изображаются, демонстрируются при помощи слов – во-первых, слова "рисуют" картинку реальности, которые наводят читателя на определенные мысли и вызывают чувства, во-вторых, слова связываются в словоформы, передающие различные мысли и чувства, на основании которых при помощи смысловых, логических и ассоциативных связей читатель выводит глубинное содержание; – неоднозначность: "Мы готовы повторить вслед за Эмпсоном: "Игра на неоднозначности коренится в самом существе поэзии". Не только сообщение, но и его адресант и адресат становятся неоднозначными" [14, с. 26]. Все эти и многие другие характеристики поэтического текста выводятся из поэтической функции языка, определенной Р. О. Якобсоном как "сосредоточение внимания на сообщении ради него самого", хотя "любая попытка ограничить сферу поэтической функции только поэзией или свести поэзию только к поэтической функции представляет собой опасное упрощенчество" [14, с. 6]. Поэтическая функция языка, играющая в поэзии главенствующую роль, основана на авто-референции (self-reference). Поэзия предполагает авто-референтивность, которая относительно скрыта в обычной речи, поэтический текст "поворачивает высказывания с кажущейся или действительной референцией на себя как самоцель, переводя внимание с содержания высказывания на языковую природу самого высказывания", так что "выражение само становится содержанием" [20, с. 383, 389]. Именно свойство авто-референтивность позволяет квалифицировать творческую деятельность как некоммунитивную. Тем не менее, нельзя полностью отрицать ее коммуникативность. Если исходить из принципа диалогической природы языка, обоснованного В. фон Гумбольдом [17, с. 138], поэтический текст коммуникативен в том смысле, что он диалогичен. Диалогичность его выражена в том, что любой текст является ответной реакцией на другие тексты и всякое понимание текста, по М. М. Бахтину,

есть соотнесение его с другими текстами [2, с. 488]. Поэтому противопоставление речевой и творческой деятельности как коммуникативной и некоммуникативной является условным, что позволяет говорить о художественной коммуникации как о своего рода "семи-коммуникации" (от лат *semi* – 'наполовину'), а также о специфике коммуникативных ролей адресанта и адресата поэтического текста. Адресат может быть и реальным человеком, но чаще всего это либо обобщенный, коллективный адресат (читатель, современники, все человечество), либо квазиадресат (неживой предмет, божественная сущность) [8, с. 450], или же сам автор. Специфика адресанта – автора поэтического текста, проявляется как раз в области интенции. Во-первых, это чаще всего репрезентационная интенция, не предназначенная для непосредственной коммуникации. Во-вторых, реальная интенция может не соответствовать выраженной, что оправдывается художественным вымыслом и домыслом автора, фикциональностью текста и, опять же, подчинено поэтической функции языка. Поэтому в поэтике используется термин "лирический герой" – "своего рода художественный двойник автора-поэта", который может

Розділ III. Когнітивна лінгвістика і поетика

221

находиться и в "предельном совпадении с его личностью", и в "ощутимом несовпадении с нею"; это лирический образ, сознательно построенный автором и досозданный читателем [9]. В-третьих, интенция автора проявляется на уровне всего текста. По словам Ю. М. Лотмана, "любое стихотворение допускает две точки зрения. Как текст на определенном естественном языке – оно представляет собой последовательность отдельных знаков (слов), соединенных по правилам синтагматики данного уровня данного языка, как поэтический текст – оно может рассматриваться в качестве единого знака – представителя единого интегрированного значения" [7, с. 116]. Поэтому интенция автора может относиться и к отдельному высказыванию, и ко всему тексту: "то, что может быть достигнуто употреблением предложения, может достигаться также (нередко даже более эффективно) использованием последовательности предложений, текстом" [8, с. 476]. При этом интенция текста в целом не является "выносимым за скобки общим признаком некоторой последовательности" высказываний, а возникает как "интегральный признак текстовой совокупности" высказываний [8, с. 477]. Объектом текстовой интенции выступает не концепт (соотносимый со словом), не пропозиция (соотносимая с высказыванием), а текст – в данном случае, поэтический текст, т.е. последовательность высказываний, скрепленных в единое целое тем самым "специфическим (эгоцентрическим) внутренним состоянием художника" [1, с. 120] при помощи языковых средств всех уровней. Сказанное позволяет выделить прагматические типы поэтического текста на основании типов репрезентационной интенции. В зависимости от ведущей психической составляющей репрезентационные интенции подразделяются на ассертивные (знание, незнание, сомнение, предположение, вера, уверенность), волитивные (желание, намерение) и эмотивные (эмоциональная оценка, отношение к адресату, эмоции) [18, с. 137; 21, с. 213-221]. Первое приближение к поэзии различных жанров с позиций той или иной интенции дает довольно однозначную картину. На ассертивной интенции основаны стихи-зарисовки, представленные в пейзажной лирике, стихи-воспоминания, присущие жанру любовной и психологической лирики, стихи-описания, представляющие социальную лирику, стихи-

размышления и стихи-рассуждения, которые находим в философской лирике, а также стихи-повествования, характерные для баллады и для такого современного жанра поэзии, как клип. Ассертивная интенция таких текстов состоит в представлении некоторого положения дел. Наименее представлена в поэтических текстах волитивная интенция, состоящая в выражении желания осуществления некоторого положения дел. Она лежит в основе стихов-обращений (агитка, слоган), стихов-вопросов (детских загадок), стихов-прославлений (ода, эпитафия, социальная лирика) и т.п. Последние, однако, демонстрируют совмещение волитивной и эмотивной интенции. Эмотивная интенция – наиболее органичный тип для поэтического текста, поскольку эмотивность присуща ему ингерентно. Выделяется конвергентная и дивергентная эмотивность (как тип мышления, стилистический прием и признак стиля) [3, с. 175]. Конвергенция предполагает единение словесных образов в один, наиболее общий. Дивергенция – рассредоточенность образов в тексте – порождает диффузные (рассеянные, размытые) эмоции, которые не получают эксплицитного выражения в словесных знаках текста и формируют его неопределенный смысл, а значит, ведут к неоднозначности интерпретаций [24, с. 14]. Эмотивной интенцией характеризуются стихи-переживания, стихи-признания в рамках любовной, психологической, городской лирики. Оценочный компонент интенции содержат стихи-осуждения (эпиграмма, пародия, социальная лирика), стихи-восхищения (сонет, любовная лирика), стихи-шутки (пародия, стилизация, частушки) и т.п. Автор выражает эмоционально-оценочное отношение к положениям дел, передаваемым словами, и стремится донести до адресата это отношение, оказать на него эмоциональное воздействие.

ЛІНГВІСТІКА. Випуск ХІХ

222

Следует подчеркнуть, что приведенные прагматические типы поэтических текстов представляют собой не законченную классификацию, а примеры интенционального подхода к анализу поэтического текста с позиций когнитивной прагмапоэтики. Данные типы относятся к положениям дел, представленным планом содержания текста. Однако, план выражения, играющий в поэзии главенствующую роль, диктует целесообразность выделения еще одной ипостаси интенции в поэтическом тексте. Вероятно, существует особый тип эмотивной интенции – эстетическая, позволяющая художнику получать наслаждение от творимого произведения. Она соотносится с авто-референцией текста: отсылая читателя к словам, автор демонстрирует свое восторженное отношение к их сочетаниям, к словесному орнаменту, создаваемому своим вдохновением, и заставляет читателя разделить это восторженное отношение – получить эстетическое удовольствие. Именно так слова помогают автору и читателю постигать мир – в этом и проявляется поэтическая функция языка. Такой двойственный характер авторской интенции поэтического текста является ее четвертой специфической чертой, наряду с рассмотренными характеристиками – ограниченностью репрезентационным уровнем, фикциональностью и направленностью на текст как объект. Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что прагмапоэтика имеет право на существование именно благодаря когнитивизации методологии. Ментальные структуры и процессы лежат в основе любого рода человеческой деятельности и способны выступить интеграционным фактором различных лингвистических дисциплин, что

продемонстрировано на примере прагматики и поэтики. Перспективным представляется углубление интенционального анализа поэтических текстов различных жанров, а также рассмотрение вопроса о статусе речевых актов в поэтической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА 1. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания / В.Г. Адмони. – СПб.: Ин-т лингв. исследований РАН, 1994. – 153 с. 2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин ; сост. С. Г. Бочаров, В. В. Кожин. – М.: Худож. лит., 1986. – 543 с. 3. Белехова Л. І. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект: автореф. дис. ... доктора філол. наук: 10.02.04 / Л. І. Белехова ; КНЛУ. – К., 2002. – 459 с. 4. Брюсов В. Я. Сила русского глагола / В. Я. Брюсов. – М.: Сов. Россия, 1973. – 189 с. 5. Гуторов В. А. Категория фикциональности в аспекте феноменологии и восприятия / В. А. Гуторов // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – № 838. – 2009. – С. 3-6. 6. Заболотська О. В. Імперативні синтаксичні конструкції в англословянському поетичному дискурсі: когнітивно-прагматичний аспект: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / О. В. Заболотська ; Херсонський держ. ун-т. – Херсон, 2012. – 20 с. 7. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, СПбО, 1996. – 846 с. 8. Почепцов Г. Г. Избранные труды по лингвистике / Почепцов Г. Г. – Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2009. – 556 с. 9. Роднянская И. Б. Лирический герой / И. Б. Роднянская // Лермонтовская энциклопедия / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – М.: Советская энциклопедия, 1981. – С. 258-262. 10. Серль Дж. Р. Природа интенциональных состояний / Дж. Р. Серль ; пер. с англ. А. Л. Никифорова // Философия, логика и язык. – М.: Прогресс, 1987. – С. 96-127. 11. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / [под. ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой]. – СПб.: Алетейя, 2000. – 320 с. 12. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – Винница: Нова книга, 2009. – 272 с. 13. Эткинд Е. Г. Разговор о стихах / Е. Г. Эткинд. – СПб.: ДЕГГИЗ, 2004. – 240 с. 14. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: "за" и "против". – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.

Розділ III. Когнітивна лінгвістика і поетика

223

15. Austin J. L. How to do things with words / John L. Austin. – Cambridge/Mass.: Harvard Univ. Press, 1962. – 166 p. 16. Bratman M. E. What is Intention? / Michael E. Bratman // Intentions in Communication. – Cambridge, Mass., L.: MIT, 1990. – P. 388–400. 17. Humboldt W. v. Über den Dualis / Gelesen in der Akademie der Wissenschaften am 26. April 1827 / Wilhelm von Humboldt // ders. Schriften zur Sprachphilosophie. – Darmstadt: Fink, 1963. – S. 113– 143. 18. Lapp E. Linguistik der Ironie / Edgar Lapp. – Tübingen: Narr, 1992. – 189 S. 19. Lerchner G. Literarischer Text und kommunikatives Handeln / Gotthard Lerchner. – B.: Akademie, 1987. – 87 S. 20. Merilai A. Pragmapoetics as literary philosophy / Arne Merilai // Interlitteraria. – 2007. – No. 12. – P. 379-392. 21. Polenz P. v. Deutsche Satzsemantik: Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens / Peter von Polenz. – B., N.Y.: de Gruyter, 1988. – 389 S. 22. Schmitt H. Zur Illokutionsanalyse monologischer Texte. Ein Konzept mit Beispielen aus dem Deutschen und Englischen / Holger Schmitt. – Fr./M.: Lang, 2000. – 302 S. 23. Stierle K. Text als Handlung: Grundlegung einer systematischen Literaturwissenschaft / Karlheinz Stierle. – München: Fink,

2012. – 360 S. 24. Tsur R. *Toward a Theory of Cognitive Poetics* / Reuven Tsur. – Amsterdam: Elsevier Science Publishers, 1992. – 549 p.